

УДК 821.161.1+82.0
DOI: 10.17223/19986645/65/14

А.Е. Козлов

**«ОЧЕРК ИЗ ЛЕТОПИСЕЙ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ»:
РЕФЛЕКСИЯ И НАРРАТИВ В РОМАНЕ Н.Д. АХШАРУМОВА
«МУДРЕННОЕ ДЕЛО»¹**

Анализируется нарративная организация памфлетного романа критика и писателя Н.Д. Ахшарумова «Мудреное дело» (1864), выявлены параллели, возникающие между сюжетными линиями и действительными происшествиями в истории русской журналистики. Отдельно рассматриваются социальное проектирование писателя, направленное на коррекцию сюжетных коллизий романа Н.Г. Чернышевского «Что делать?», специфика прогнозирования и «предвосхищения» в свете авторского самосознания. В приложении помещены письма Н.Д. Ахшарумова к братьям Достоевским.

Ключевые слова: русская литература XIX века, беллетристика, «Время», «Эпоха», «Современник», альтернативность и вторичность, нарратив, роман, Ахшарумов, Достоевский.

В 1864 г. в журнале братьев Достоевских «Эпоха» был опубликован роман «Мудреное дело. Очерк из летописей русской словесности». Судя по сохранившимся письмам, роман предназначался для журнала «Время» и хранился в портфеле редакции с весны 1863 г.² Тем не менее в отличие от повести И.С. Тургенева «Призраки» и «Записок из подполья» Ф.М. Достоевского он был опубликован не сразу после разрешения «Эпохи» и появился в печати только в летних номерах журнала. Сам автор устами своего героя констатировал: «...летом никто не читает журналов, потому что редакторы и подписчики все разъезжаются. Летом сбывают обыкновенно всю шушеру, которую боятся печатать зимой, в ту пору, когда подписка идет горячо» [1. С. 78]³.

---

¹ Исследование подготовлено при поддержке гранта Президента РФ для поддержки молодых ученых (МК-841.2020.6 «Искра» (1859–1873) как энциклопедия русской жизни: издательские практики, сюжетные механизмы и жанровые модификации»).

² По данным Т.И. Орнатской, автор романа Николай Дмитриевич Ахшарумов был, наряду с Н.Н. Страховым, Д.В. Аверкиевым, П.В. Быковым, Л.А. Меем и А.Н. Майковым, заведомо кружка вернувшегося из ссылки Ф.М. Достоевского [2]. Нам не удалось найти подтверждающих эти отношения документов: в частности, в 1860-е гг. Ахшарумов сторонился писательских кругов. В Приложении приводятся два письма, адресованные М.М. Достоевскому и Ф.М. Достоевскому, по которым можно восстановить первичную хронологию.

³ Судя по многочисленным замечаниям фельетонистов, такая оценка является общим местом. Так, М.А. Антонович писал: «Летом бывает жарко, а жар, как известно, вообще, имеет свойство расслаблять, размягчать, растягивать, от жару все делается

Как известно, в реальности весна и лето 1864 г. выдались для главного редактора «Эпохи» катастрофическими: смерть М.Д. Достоевской и М.М. Достоевского, необходимость выплачивать постоянно растущие долги, многочисленные проволочки и задержки издания. Вместе с тем продолжалась необыкновенно интенсивная и жесткая журнальная полемика: «Современник», «Русское слово» и «Искра» с азартом вели спор с редакцией Достоевских, высмеивая их в серии фельетонов¹. Критика нигилистических изданий настолько была занята дискуссией с главными полемистами журнала Н. Страховым, Н. Соловьевым и Ф. Достоевским, что большинство беллетристических произведений, опубликованных в «Эпохе» летнего периода, не получило сколько-нибудь развернутых оценок [5–10]. Вероятно, по этой причине памфлетный роман «Мудреное дело», в том же году вышедший отдельным изданием, остался практически не замеченным².

Подзаголовок «Очерки из летописей русской словесности» свидетельствует о том, что роман должен быть воспринят как *true story*: у большинства героев обнаруживались прототипы, а коллизии, объединяющие сотрудников описанной редакции, могли проецироваться на действительные события и происшествия. Однако в отличие от прецедентных антинигили-

---

податливее и эластичнее, от жару человек теряет бодрость и энергию, раскисает, предаётся неге и лени, от жару, говорят, даже мозг разжижётся. Все эти действия жара и должны были бы обнаруживаться на летних литературных произведениях, которые в таком случае представляли бы в себе следы расслабления, вялости и разжижения» [3. С. 27]. Вероятно, намекая на сюжет «Зимних заметок о летних впечатлениях», критик продолжал: «Есть еще другая точка зрения, с которой можно рассматривать литературный летний сезон. Этот сезон отличается от зимнего тем, что в течение его литература, особенно периодическая, позволяет себе некоторую распушенность и небрежность, и вообще слабеет в своих совершенствах. <...> Летом оканчивается подписка и не начинается до глубокой осени, и потому литература менее сильно заботится о развитии и обнаружении своих совершенств и угощает читателей произведениями, какие попадутся и какие зимою были бы забракованы. Наконец, наши читатели летом бывают менее взыскательны, да и вообще меньше читают, чем зимой. Вследствие всего этого летний сезон в своих качествах значительно должен уступать зимнему» [3. С. 29].

¹ В полемической статье «г. Щедрин, или Раскол в нигилистах» Достоевским был помещен «отрывок из романа «Щедродаров», больно задевший редакцию «Современника» и вызвавший не менее болезненный «переход на личности» – «Послание обер-стрижку, господину Достоевскому». Изменение тона полемики, фактически отбрасывание маски фельетониста, наблюдаемое в «Необходимом заявлении», где Достоевский осознанно ставил знак равенства между карикатурным Стрижовым и собой, свидетельствовало об отсутствии сколько-нибудь значительных сил для продолжения споров.

² Жалуясь на «печальное бесплодие» современной беллетристики, обозреватель «Русского слова» заметил: «Что беллетристика наша падает – это дело очевидное. За последнее время по этой части мы не встречаем ничего такого, чем бы похвастать было можно, что бы пробуждало в обществе новые мысли и удовлетворяло его современным потребностям. В журналах сплошь да рядом печатаются или пасквильные романы, наполненные разными мелочными сплетнями, унижающими литературу, или бесцветные повести, которые самый терпеливый читатель с трудом одолеть может – или, наконец, разные “воспоминания” и “очерки”, в которых редко есть даже содержание, а так – только одни коротенькие строчки» [4. С. 64].

стических произведений («Взбаламученное море» А.Ф. Писемского, «Некуда» Н.С. Лескова, «Марево» Н.П. Клюшникова), «Мудреное дело» оказалось лишено тенденциозного политического содержания. Роман беллетриста, в равной мере далекого от консерваторов, почвенников, прогрессистов и нигилистов, не был программным высказыванием редакции и, несмотря на авторитетное утверждение В.С. Нецаевой, во многом противоречил «идейной направленности» «Эпохи» [5].

Для сюжета Ахшарумов избирает достаточно традиционные схемы авантюрного романа и романа карьеры¹. Российский Люсьен де Рюбампре, Василий Григорьевич Бубнов, молодой человек из провинции (как и в повести М.Е. Салтыкова-Щедрина «Запутанное дело»), выступает в классической роли простака, *отсталого*, по оценке его петербургского окружения. Повествование в романе строится на основе дневника главного героя, который в первых же строках признается:

Кто был сен-симонист или фурьерист, или гегелист, тот так себя и называл фурьеристом или гегелистом. А теперь нет; никто не сидит у себя на пороге и не отстаивает домашних богов; всякий предпочитает идти набегом в чужие земли, уступая другим без боя свои, и от этого разрушение страшное. А что касается до тех строгих разграничений, до тех катехизисов, на которые намекал Касимов, то, может быть, они и есть, но я их не видал. Если и есть, то должно быть их прячут от непосвященных. Говорят, в литературном кругу есть партии?.. К несчастью, я с литераторами, по крайней мере, с отъявленными, до сих пор не сталкивался и потому не могу судить; но в обществе, в обыкновенных кружках, все это скользко и гибко до крайности. Не разберешь, кто что думает, и кому что нужно... [1. С. 26].

Отчасти это соотносимо с позицией самого Ахшарумова, который, несмотря на сотрудничество с А.А. Краевским и М.Н. Катковым и тяготение к консервативным кругам, стремился создать себе репутацию «внепартийного» писателя [11, 12]. Кроме того, он достаточно поздно вступил на литературное поприще: первое произведение, подписанное его настоящим именем, – статья «О порабощении искусства» – вышла в журнале «Отечественные записки» в 1858 г. Бубнов постоянно жалуется на свою необразованность: он чувствует себя *как в тумане, как в лесу*.

---

¹ Динамика сюжета и нарратива отражена в названиях частей романа. Первая часть романа называется «Отстальный» и демонстрирует статику (позволяя соотнести потерявшегося Бубнова с Обломовым, о котором Ахшарумов писал специально в критической статье). Вторая часть «Между словом и делом», как и у Гончарова, демонстрирует постепенный переход от статики к динамике (Бубнов инициирует журнальное дело = Обломов пробуждается для жизни). В третьей части, «На деле», герой, бросив поприще журналистики (близко к четвертой части романа Гончарова), обретает счастье в семейной жизни (нереализованный сюжетный вариант романа Гончарова).

Столько всякого рода новых идей и высших воззрений, что голова идет кругом. А как станешь соображать да приводить к одному знаменателю, так тебе дико, странно станет, точно ты в лес забрел, или в город какой незнакомый, в котором кривые улицы вбегают, черт знает откуда и уводят тебя неизвестно куда, а кругом люди толкуются, собаки лают, лошади ржут, вывески разные лезут в глаза, разносчики орут тебе под ухо во все горло [1. С. 28].

Основательное знакомство автора романа с политической экономией (Прудон, Маркс, Сисмонди) ставит в центр повествования рефлексию о символической роли и значении журнальных институций¹. Так, меценат и «патрон» Бубнова Касимов² поучает своего молодого друга:

Ни мы, ни они пороку до сих пор не выдумали, а то что они за ум выдают, просто товар, такой же товар, как вот шляпа или сапоги, и продается в таких же лавках, и стоит не больно дорого. Вся разница в том, что они его продают, а мы покупаем, причем, разумеется, по русскому обычаю, нас обмеривают и сбывают нам всякую гниль [Там же. С. 76].

Я тут из кожи вон лезу, забочусь о его выгоде, а он мне толкует о пользе литературы!.. Да черт ли тебе от нее?.. Не все тебе равно, кто из этих шутов и в какого цвета обертке выйдет на площадь тешить народ?.. Еще новый журнал!.. Право, можно подумать, что мы помешались на журналистике!.. Мало у нас этой дряни валяется по столам!.. Мостовой не умеем порядочно наместить, воды провести, а лезем туда же, – лите-

---

¹ Близким другом Н.Д. Ахшарумова долгое время оставался Ю.Г. Жуковский – специалист в политической экономии, прошедший путь от эстетика-либерала до социалиста.

² Сюжетная функция этого героя, пребывающего в вечном движении и руководящего несколькими предприятиями, соотносима с функцией героя-наставника Штольца. В своем разборе романа И.А. Гончарова Ахшарумов писал: «Какое нам дело до того, что Штолец занимался своими делами и, не встретив больших неудач, нажил себе деньги; что он участвует в какой-то компании, что ему поручают писать какие-нибудь проекты или приспособлять какие-то новые идеи к каким-то делам; что он так занят, что неизвестно, когда успевает и проч.? А далее что?» [13. С. 604]. В частности, именно Ахшарумову принадлежит идея сравнения друга Обломова с Мефистофелем [14]: «В конце первого акта, или лучше сказать, в начале второго, Обломову является Штолец – его Мефистофель, его двойник, его парадоксальное и неумолимое противоречие, которое штурмом берет все баррикады Гороховой улицы и выводит Обломова на чистую воду» [13. С. 610]. Тождество Штольца и Касимова усиливается в некоторых репликах. Например: «Брось ты свои филантропические химеры и живи запросто, не натуживаясь через силу. Ну ты подумай только: ну что толку на стену лезть?.. Ну если б еще мы с тобой были гиганты какие-нибудь, тогда и гигантскую глупость сделать нам было под стать; а то ведь и этого даже не сделаешь, а только надсадишься, да шишку себе на лбу наколотишь... Ну куда нам с тобой людей передельывать? Да и зачем?» [1. С. 193]. В конце романа Бубнов наносит пощечину Касимову – через этот жест писателем устанавливается тождество между Штольцем (ложным помощником) и Тарантьевым (этическим антагонистом Обломова).

ратуру нам подавай. Очень нужна нам литература, когда наш народ не умеет читать?..»¹ [1. С. 78].

В этих поучениях отчетлив ориентир на статью Шевырева «Словесность и торговля»². Касимов предлагает смотреть на журнал как на товар, а на писателей и критиков – как работников при хозяине. Подобную позицию разделяет и журналист Святухин:

– Да, душечка, продолжал он; дело–то наше не очень красиво... Я про себя говорю, – про нашего брата, труженика... Ведем мы вперед поколение, гм... мысль вырабатываем... куды, как подумаешь, важно звучит!.. а поди-ка поближе взгляни, что это за наше положение?.. Завален работой по горло; – оно бы еще ничего, – да работа-то какова? Это не то что поденщик, носильщик какой-нибудь там или каменотес, который одну свою грубую силу тратит... Нет, тут не то у тебя берут... Тут всю свою душу подай!.. Он ударил себя в грудь... – Выжми весь лучший сок из себя, до последней капли и сделай это на срок, и смотри чтобы каждый месяц было у тебя готово листов до пяти мельчайшей печати, и чтобы все это было свежо, бодро, живо; – чтоб тут и намеки на все современное были, и полемика и политика, и рецензии на такие книги, которые прочитать, в которые заглянуть в другой раз физически не успешешь!.. С одними ругайся, грызись, как притравленный пес, а другим льсти; перед всякой минутной прихотью, перед всякой дурацкой модой гни как холоп свою спину!.. Работай без отдыха и все-таки знай, что дела по совести сделать ты не успеешь, а что должен его свалить как-нибудь на живую нитку... Знай, что дан тебе от природы талант, и что мог бы ты с ним доработаться до чего-нибудь путного, если б была у тебя возможность опомниться да заняться не торопясь и знай что все это должно сгибнуть, потому что тебя, как почтовую лошадь загонят, загонят да и спасибо не скажут, потому не за что ты воду толчешь, что от всех твоих тяжких трудов строки не останетса, которую кто-нибудь после припомнил бы с удовольствием!.. [Там же. С. 85].

Закономерным итогом такой речи становится сравнение журналистики с каторжной работой, «проституцией мысли и сердца», журналиста – с ра-

¹ Соотносимо со словами самого Ахшарумова: «Кто нужен для общества? Солдат нужен, чтобы нас не убили и не ограбили, хлебопашец нужен, чтобы не умереть с голода, ремесленник и фабрикант нужны, чтобы не замерзнуть нам без платья и не ободрать себе ноги о жесткий щербен дорог, ученые <...> но что касается поэтов, драматиков и романистов, то это уже неоспоримо-лишние люди, это все васильки, случайно вырастающие на ниве между колосьями ржи» [15. С. 300]. По-видимому, к 60-м годам такие фразы приобретают характер общего места.

² В романе упоминается «История» Шевырева, при этом Касимов подтверждает свое незнакомство с этим именем:

«Гость посмотрел на меня с любопытством и усмехнулся.

– Шевырев? – продолжал Дмитрий Петрович. – О чем это?

– Это история русской словесности, – отвечал я, вздохнув» [1. С. 115].

бом и продажной женщиной. В представленном в романе мире действуют законы иерархии: наряду с поденщиками, «пролетариями журнальных фабрик», отдающими самое себя для заработка, существуют и немногие, имеющие авторитет и заработавшие признание читателей [16–19].

В центре романа история создания, расцвета и упадка нового журнала «Дело». *Меценатом* здесь выступает Касимов, обеспечивающий *реальный капитал* изданию. *Издателем* и *порушителем* (заложившим имение) – Бубнов. Простак-провинциал справедливо опасается: «Ну как я скажу об этом Святухину? Он, пожалуй, подумает, что я хочу воспользоваться их (сотрудников издания. – А.К.) бедностью, чтобы загребать их руками жар, что я рассчитываю приобрести их трудами литературное имя» [1. С. 106]. При согласовании такого порядка дел сотрудники издания Розанов и Святухин выговаривают свои условия: «Основной капитал предприятия состоит не из одних денег: тут требуются труд, опытность, знание дела и некоторая степень литературной известности» [Там же. С. 108]. Однако решающее слово остается за капиталистом Касимовым: «Но есть вещи в литературной собственности, которые невозможно делить. Так, например, вы не можете ему уступить часть вашей литературной известности и вашего дарования; вы можете только поделиться с ним долей тех материальных выгод, какие связаны с этого рода собственностью. Так же точно и он не может вам уступить капитала, который он жертвует на расходы издания и связанного с ним права распоряжаться этими расходами. Другими словами, чистый доход он считает возможным делить, но основной капитал с правом распоряжаться той долей выручки, какая потребуется на покрытие оборотной суммы, он считает своею собственностью» [Там же. С. 109]. Этот диалог, построенный на разъяснении основ «реального» и «символического» капитала, значим на рефлексивном уровне романа. Очевидно, что литература выступает одним из видов товара и сама по себе является базисом, в то время как идеология и направление, традиционно считающиеся определяющими, становятся надстройкой, незначительно влияющей на реальную капитализацию².

---

¹ Знаменательно, что занятие журналистикой в романе Ахшарумова во многом связано с деятельностью «лишнего человека»: «Я начинал считать: хлебопашество мимо, промышленность мимо, служба мимо, – всякое занятие, в котором необходим капитал, – все это мимо... Что ж остается? Часа два я ломал себе голову и никак не мог отыскать, что остается?..» [1. С. 96]. С этой позиции Бубнов – сниженный и травмированный вариант лишнего человека.

² В дальнейшем, предлагая Бубнову публиковать статьи об откупках и «по части промышленной и толковой», Касимов замечает: «Дух – это оттенок личного настроения в мозгу у пишущего или читающего, – привычка мысли идти известным путем, не более важная как привычка гулять по Невскому или по Набережной. Дух только там играет какую-нибудь роль, где нет дельного содержания, где речь идет о фантазиях, не о фактах, где имеют в виду не цель с ее положительными выгодами, а тенденцию с ее романтическим увлечением, – короче сказать, где любят игру для игры, а не для выигрыша» [Там же. С. 180].

На этом уровне особенно значимыми становятся параллели с журнальным делом в России 40–60-х гг. XIX в. Роман Ахшарумова буквально населен «двойниками» известных русских критиков и писателей. При этом реальные имена и названия вступают в определенную конкуренцию с вымышленными. Как отмечает Е.Н. Дрыжакова, «в описании отдельных персонажей довольно прозрачно угадываются Чернышевский, Добролюбов, Писарев, Некрасов, Тургенев и др. Радикальные идеи “Современника” и ультранигилистические идеи “Русского слова”, споры западников и почвенников, даже пресловутый “Роковой вопрос” Страхова – все это нашло отражение в романе. Нигилисты всех мастей, материалисты, реалисты и т.д. присутствуют в романе в большом количестве, спорят и нападают друг на друга» [20. С. 25].

Для верификации этого утверждения обратимся к центральному событию романа – открытию журнала:

Вчера окрестили наше издание. Провозились за этим с семи до двенадцати. Розанов целую речь говорил в доказательство, что *Заря*, – имя слишком неопределенное и может дать повод к двусмысленностям; потому что есть две *Зари*: утренняя и вечерняя, из которых одна служит эмблемою возрождения, а другая – упадка, кончины, и что, следовательно, для ясности нужно бы было назвать не просто *Заря*, а утренняя или вечерняя *Заря*, но *Утренняя Заря* была уже издаваема Владиславлевым, вечерняя – неприлична журналу, который должен открыть новую эру в нашей литературе... Потом предложили *Утро*; оказалось, что был уже сборник с этим названием; *Весна* – тоже был сборник...¹ *Телеграф* напоминает старый журнал Полевого... *Вестник* похоже на *Русский Вестник*... *Слово*, – была газета, к тому ж сбивает на *Русское слово*... *Прогресс* – имя не русское [1. С. 127].

В приведенном фрагменте, как можно убедиться, действительно, отражена в предельно редуцированном виде история русской журналистики от изданий Полевого до журналов Каткова и Кушелева-Безбородко. Одну из главных коллизий романа составляет «исход» журналистов из надоевшей им «Выставки» в новый журнал, инициируемый Бубновым, – «Дело». Именно «Выставка» заставляет Розанова, Святухина и семинариста Иверского чувствовать себя литературными поденщиками; «Дело» строится на принципиально иных основаниях: «Все это затевается на самую широкую ногу и на совершенно новых началах. За толщиной номеров уже больше не

¹ Сборники «Утро» и «Весна» вышли в один – 1859-й – год. Среди статей славянофильского «Утра» особенно примечательно литературное обозрение Б. Алмазова, признавшего высокий уровень статьи «О порабощении искусства». Вышедшая следом «Весна» была инициирована Н.Д. Ахшарумовым, поместившим в ней три критические статьи. «Утро» и «Весна» были негативно встречены в «Русском слове» (А. Григорьев) и «Современнике» (Н.А. Добролюбов) и не стали сколько-нибудь значимым событием в литературном мире.

будут гоняться, а примут за образец английский магазин и будут печатать одни только первостатейные вещи» [1. С. 88]. Репутация нового издания усиливается тем, что «Тургенев, Островский, Писемский и Гончаров дали слово печатать у них свои вещи» [Там же].

Безусловно, в этом упоминании содержится аллюзия к действительным событиям, о которых Ахшарумов, не будучи их активным участником, мог узнать из мемуарных текстов, очевиднее всего – из «Литературных воспоминаний» И.И. Панаева. Скандализировавший свое имя серией очерков, освещающих историю литературы 1830–1840-х гг., Панаев назвал издателя «Отечественных записок» эксплуататором: «Вот отчего разного рода Краевские торжествуют в сем мире и преспокойно загребают жар чужими руками, еще прикидываясь подчас либералами и толкуя о гуманизме!» [21. С. 228]. В «Воспоминаниях о Белинском» Панаев писал: «Все эти приготовления, толки об новом издании, мысль, что он, освободясь от неприятной ему зависимости, будет теперь свободно действовать с людьми, к которым он питал полную симпатию, которые глубоко уважали и любили его; наконец довольно забавная полемика, возникшая тогда между нами и «Отечественными» з^аписками» – все это поддерживало его нервы, оживляло и занимало его!» [Там же. С. 303]. Очевидно, что журнал нового «делового» направления, ориентированный на тенденции западноевропейской журналистики и предполагающий наличие обязательного соглашения, – это «Современник». С этой позиции Бубнов (чьи инициалы полностью совпадают с инициалами знаменитого русского критика¹) и слабый Панаев оказываются практически тождественными².

К началу 1860-х гг., когда писался роман, история создания «Современника» обросла легендами, став притчей во языцех. Неоднократно под сомнение ставился источник происхождения капитала, которым воспользовались Панаев и Некрасов. С одной стороны, существовала версия о значительно превышающем вклады партнеров вкладе казанских помещиков Толстых. С другой – было немало сплетен о деньгах Н.А. Огаревой-Тучковой, якобы присвоенных и потраченных А.Я. Панаевой и Н.А. Некрасовым. Наконец, сам Некрасов воспринимался многими как капиталист, эксплуатирующий журнальных работников (и в этом отноше-

---

¹ Одновременно упомянута посмертная маска Белинского на стене в комнате Розанова: «На стене маска Белинского, вся закопченная дымом и покрытая пылью. Кругом полки с книгами; под полками с полдюжины фотографических карточек, прибитых гвоздями; окна без сторы; в углу за плевательницей мокрые чайные листья в смеси с разным сором...» [1. С. 92].

² Вероятная отсылка к литературным воспоминаниям Панаева содержится и в следующем диалоге:

«– Вы ведь славянофил?

– Это с чего вы взяли?

– Да так говорят. Скажите, вы коротко знакомы с Аксаковым?

– Помилуйте, – я с ним совсем не знаком.

– Да ведь вы из Москвы?

– Нет» [21. С. 145].

нии близкий к цинику и специалисту по откупам Касимову) [18, 22–24]. Ахшарумов работает с этим ресурсом слухов и устных преданий, сокращая и редуцируя десятилетнюю историю «Современника» до краткого очерка¹.

Центральный эпизод, определивший репутацию «Современника» в 1860-е гг.: поражение либерально-эстетического лагеря и приход новой, молодой редакции революционных демократов, буквально отражается в сюжете романа через историю отношений Розанова, Святухина и семинариста Иверского. В определенный момент уставшие от мягкости и бесхарактерности Бубнова Розанов и Святухин требуют полного расчета – всю библиографию, критику и статьи на злобу дня берет Иверский².

Осмысление этого эпизода из истории русской журналистики в художественном тексте давало возможность отказаться от единственного прототипа. Пожалуй, для редакции «Эпохи» могло быть небезынтересным то, что многие фикциональные события вокруг «Дела» повторяют историю «Времени». Во-первых, журнал начинает издаваться Бубновым при поддержке брата в 1861 г. – то время, когда дебютировали Достоевские-журналисты. Во-вторых, описанный выше выбор имени издания отражает колебания Достоевских, первоначально предполагавших назвать новый журнал «Правда». В-третьих, перечисляя содержание будущих номеров, Бубнов постоянно упоминает повесть Т...: «Сцены Островского, поэма Квашнева, эта статья о Земских банках, и Гуманизм Розанова, и, наконец, обещана повесть Т... Чего же им еще? Какого рожна?» [1. С. 112], «И Т... повести нет до сих пор, а теперь было бы оно очень кстати, чтобы этак... поддать аппетиту» [Там же. С. 175], «...и все остальные нас бросят!.. и о повести Т... теперь уж и думать нечего...» [Там же. С. 196]. Как говорилось выше, обещанная повесть Тургенева была опубликована в первом номере «Эпохи» – с ней, по утверждению многочисленных мемуаристов, Достоевский связывал особый успех своего издания. Наконец, неопределенное положение «Дела», занимающего пограничную позицию между славянофилами и западниками, также отражает взгляды редакции этого журнала. Особенно важно в этом контексте упоминание статьи Иверского «Славянский вопрос». Несмотря на то, что вопрос национальной идентичности

¹ Ахшарумов был практически домашним человеком в семье А.В. Никитенко. Как известно, бывший недолгое время редактором «Современника», Никитенко тяготился этой обязанностью, о чем оставлял характерные записи в дневнике. О 60-х гг. в истории «Современника» автор «Мудреного дела» мог узнать от Ю.Г. Жуковского. Жуковский неоднократно выступал против Некрасова, поддерживая Антоновича, Решетникова и Левитова. В 1868 г. эти обвинения будут опубликованы в отдельной книге, «Материалы к истории русской словесности», заставляющей вспомнить подзаголовок романа Ахшарумова.

² Знаменательно, что Бубнов снимает Иверскому отдельную комнату – ни для кого не было секретом то, что Добролюбов некоторое время проживал вместе с Некрасовым и Панаевыми, при этом все расходы брала на себя редакция «Современника». Более того, Иверский поддерживает репутацию человека, свободное от плотских соблазнов [25–27]: «Аскет какой-то! Женщин дичится, водки не пьет, смотрит на все как-то искося, ошестинившись» [1. С. 129].

составлял нерв толстожурнальных изданий после Крымской кампании, логично предположить, что это указание содержит очевидный намек на статью Н.С. Страхова «Роковой вопрос».

Как видно из проведенных параллелей, Ахшарумов не только использовал реальные события и слухи из истории и репутации «Современника», но, пользуясь возможностями художественного текста, «соединял», «сплавлял» две отстоящие друг от друга по идеологии и драматизму истории. Таким образом, рифмуя «Время» и «Современник», беллетрист, возвращаясь к прошлому, «пересобиравал» уже сложившуюся историю литературы по принципу *qui pro quo*: «Ты им о Сидоре, они тебе о Прудоне, ты им о Саратове, они тебе – об английских пролетариях!.. Это похоже на Дон-Кихота, который видел везде свои рыцарские фантазии, дрался с мельницами и врубался в стада баранов!..» [1. С. 137].

Вероятные прототипы романа «Мудреное дело»		
«Дело»	Журнальный орган	«Современник» / «Время»
Бубнов	Издатель, редактор	Иван Иванович Панаев, Виссарион Григорьевич Белинский
Касимов	Меценат, соперник Бубнова	Николай Алексеевич Некрасов, Василий Алексеевич Слепцов
Розанов и Святухин	Критики-эстетики	Павел Васильевич Анненков, Александр Васильевич Дружинин ¹
Иверский	Критик-разночинец	Николай Гаврилович Чернышевский, Николай Александрович Добролюбов / Николай Николаевич Страхов

Для создания эффекта достоверности Ахшарумов вводит описание реакции оппозиционных изданий: в романе упоминаются и приводятся развернутые оценки вымышленных журналов «Вождь», «Знамя» и «Краснобай»². Таким образом, нарратив романа, задействуя многочисленные ресурсы устных и письменных преданий, оказывается буквально «сгущен» постоянными рефлексивными высказываниями вокруг реального и смыс-

¹ Нам представляется недостаточно обоснованным предположение Е.Н. Дрыжаковой о том, что Чернышевский может быть соотнесен со Святухиным. С одной стороны, описание семейного быта и жены, манерой «напоминающей русских актрис» [1. С. 68], действительно, провоцирует к такому сближению. С другой – эстетическая позиция Святухина отличается от взглядов автора «Эстетических отношений искусства к действительности». Логичнее выглядит соотнесение этого характера с кем-то из «старой» редакции «Современника», в первую очередь с теоретиками изящного искусства.

² Здесь же описана реакция «Искры» на новый журнал: «Искра сделала глупую выходку против нас. Нарисовали Святухина, по правде сказать, так смешно, что я сам хохотал. Святухин идет по Невскому, у него кислая, недовольная мина, а навстречу какой-то другой господин, который его останавливает и спрашивает: **Г-н:** Оттуда вы? **Святухин:** С выставки. **Г-н:** Разве она еще не закрыта? **Святухин:** Нет. **Г-н:** Ну а что ваше дело? **Святухин:** Да что! Дело плохо. Я не сержусь. Это так пошло, что и сердиться смешно» [Там же. С. 152]. Отметим, что Ахшарумов довольно точно воспроизводит манеру сатирического еженедельника.

лового капитала литературы и ее главных агентов: издателей, писателей и журналистов [28, 29].

«Журнальный сюжет» этим исчерпывается; вторую сюжетную линию составляет мелодраматическая коллизия, заключающаяся в постепенном превращении «нигилистки» Лидии Рулевой, сотрудницы издания, в добродетельную мать и жену (эта линия будет продолжена фантастической повестью «Натурщица»)¹. Ахшарумов использует популярные сюжеты английского романа об эмансипации: «Руфь» Э. Гаскелл и «Мельница на Флоссе» Дж. Элиот и некоторые вариации на эту тему из русской женской беллетристики².

Как и в случае с «журнальным сюжетом», сюжет мелодраматический предполагает специфическое обрамление: знакомство Бубнова с будущей женой происходит через рукопись книги, в героях которой он постепенно начинает узнавать реальных людей.

Эта Рулева у меня из головы не выходит. Всю ночь видел ее во сне, и – странная вещь! Каждый раз в тесной связи с романом Марьи Петровны! При этом фигурка ее героини, Нади, то совершенно сливалась с лицом моей новой знакомой, то отделялась в виде особого экземпляра или какого-то двойника, материально-самостоятельного, но всем остальном тождественного... [1. С. 186].

Теперь как я на него посмотрю... ну Суровский да и только! Как есть – Суровский! Шельма эта Марья Петровна! Пари держу, что она вывела их обоих на сцену, без всякой жалости. Ну, да на что не решится художник, чтобы придать интереса своей работе!.. Отца родного не пощадит – вытащит на подмошки!.. [Там же. С. 196].

Разумеется, в самом усложнении сюжетной и повествовательной конструкции «Мудреного дела» отразилось чтение Ахшарумовым романа Чернышевского «Что делать?». Борьба со взглядами Чернышевского, выраженными в его диссертации и «Очерках истории гоголевского периода литературы» началась для него с программной статьи-манифеста «О порабощении искусства», но приобрела новое значение после публикации рассказов о

¹ Согласимся с разысканиями В.С. Нечаевой, предположившей, что прототипом Рулевой могла быть Александра Григорьевна Маркелова (ей посвящена повесть В.А. Слепцова «Питомка») [5]. В глазах Ахшарумова «ряженный разночинец» Слепцов мог быть, скорее, антигероем-искусителем (вроде Касимова), нежели честным семинаристом Иверским.

² При всей стандартности фабулы нельзя не констатировать сходство этого романа с беллетристической повестью «Евгения» Е. Сальяновой (см. приложение). В обоих случаях героиня из-за своей непродолжительной связи с мужчиной становилась парией и изгоем, в обоих случаях единственным человеком, оказывавшим поддержку, становился разночинец (Карницын у Сальяновой, Иверский у Ахшарумова). Наконец, подлинный триумф для Евгении составляет ее литературный дебют – подобным образом заканчивается и роман, прочитанный героем.

новых людях. На протяжении 1860-х гг. Ахшарумов, как *слабый автор*, подверженный *сильным* идеям современников, будет оспаривать идеи своего идеологического оппонента (повести «Натурщица» и «Граждане леса», статьи о романах «Преступление и наказание», «Война и мир», «Алина Али» А. Лео и др.). Предположительно, в то время, когда литература предлагала все новые жизненные сценарии кардинального переустройства мира, Ахшарумов через ретроспективный сюжет о русской журналистике и интроспективный сюжет о *нигилистке, любовью исправленной*, предлагал свой вариант влияния на действительность¹ [22, 26, 27, 30–32].

Так, в конце романа изящный *ménage à trois* а la Чернышевский оказывается полностью несостоятельным в сравнении с нормативными институтами семьи и брака. Показательно, что решающее слово в этом споре произносит семинарист Иверский (выполняющий функцию Рахметова – посредника и «волшебного помощника»), внезапно обрывая Бубнова:

Весь вопрос в том: что вы любите больше: Лидию Алексеевну или идею, для которой она собой жертвует? Если идею, то больше и говорить не о чем, но если вам дорого счастье женщины, то вы бросьте идею и не беспокойтесь о ней чересчур² [1. С. 232].

Именно здесь и происходит корректировка истории литературы бытовой историей, обычно скрытой зоной приватности. Реальная практика, предполагающая рост фиктивных браков, и мелодраматическая вариация на общеизвестную тему ожидаемо расходятся: счастливый Бубнов уезжает с Рулевой в Зевск, а журнальная работа переходит к Иверскому, который перестает тем самым быть «пролетарием» и становится хозяином журнального «Дела».

Такой *happy end*, разрешающий конфликт в социальной и публицистической сферах и во многом корректирующий историю русской журналистики, разумеется, является данью «буржуазному читателю» – основному адресату произведений Ахшарумова. Автор при этом избегает радикальных развязок в

---

¹ В частности, после знакомства с Рулевой, Бубнов записывает: «...Рулева меня удивляет. Она верит серьезно в близкую полную перемену всех отношений житейских, в великий кризис, который должен быть скоро и после которого наступит какой-то миллениум, золотой век!..»; «...Какие-то горы перед ней расступаются, какие-то крылья у ней вырастают, и далекое чудится близко, и недоступное под рукой!» [1. С. 205].

² Знаменательно, что именно эта линия вызвала реакцию Достоевского: «В романе Ахшарумова, 3-я часть. Осел-герой не знает, жениться или нет? Бежит за этим к Иверскому.

– Не хочу жить на твой счет, – говорит героиня герою.

Все они боятся этого как чумы» (цит. по: [5. С. 349]). Е.Н. Дрыжакова справедливо полагает, что последующие наброски статьи Достоевского о нигилистических романах с характерным упреком в сторону «Современника» («...ваши романисты выдумали только разврат в браке»), вдохновлены романом Ахшарумова [20]. Не менее интересна гипотеза В.С. Нечаевой о влиянии «Мудреного дела» на замысел «пассажа в пассаже» «Крокодил» [5]. В то же время Достоевский никак не отреагировал на памфлетную сторону романа.

духе антинигилистических романов (дуэль, насильственная смерть; самоубийство совращенной девушки или ее падение) [31, 33]. Отталкиваясь от социальных сюжетов романов Гончарова и Тургенева, он, с одной стороны, низводит нигилизм до циничного повседневно-отношения к вещам и людям, с другой – предпринимает попытку «устроить» счастье своего героя, изъав его из числа «лишних» и «ненужных». Наконец, автор «воскрешает» ушедших из жизни полемистов и современников, точнее – демонстрирует вариант освобождения (представленный в романе в широком спектре от Розанова до Иверского, в историях которых угадываются отдельные эпизоды жизни Белинского, Чернышевского и Добролюбова). В то же время двойственность диегетической ситуации сохраняется практически до конца повествования¹. Профанный читатель, как зевский житель, может радоваться благополучному разрешению сюжетных коллизий, в то время как читатель компетентный может увидеть «материал», из которого строится роман, и получить своеобразный «ключ», открывающий возможность прочтения его характеров через прототипы известных издателей, журналистов и беллетристов, хлопочущих о чистоте своего имени и утверждении собственной литературной репутации.

В этом свете наиболее любопытным выглядит своеобразное предвосхищение: рассуждая о символической роли издателя и его агентов, Ахшарумов «предсказал» появление двух толстожурнальных изданий – «Дела» и «Зари». Более того, романная ситуация, выстраиваемая вокруг номинального редакторства Бубнова, обнаруживает поразительное сходство с историей самого Ахшарумова, спустя год ставшего номинальным редактором демократической и левой газеты «Народная летопись».

Как и большинство русских газет 1860-х гг., «Народная летопись» оставалась полем анонимности – имя Ахшарумова было единственным, которое указывалось в газете; остальные материалы выходили без подписи или подписывались криптонимами. Таким образом, груз реальной ответствен-

---

¹ На наш взгляд, последние страницы произведения обобщают его дискурсивную специфику. Так, в частности, роман завершается застольем в провинции, куда возвращаются Бубнов и его молодая супруга. Бубнов произносит речь, в которой соединяются злободневные сюжеты русской журналистики: «Он говорил с полчаса и с большим эффектом... говорил о прогрессе, крестьянской реформе и положении, о женском труде, о свободном труде и наемном труде, об ассоциации, общине, о народных школах, воскресных в особенности, и о славной роли, какую играла литература во всех этих важных вопросах...» [1. С. 310]. Адресат Бубнова – провинциальная публика не воспринимает и не слышит его речей: «К сожалению, эта интересная часть его речи была так часто и так безрассудно перебиваема рукоплесканиями, что никто из присутствующих не успел ничего расслышать путем» [Там же]. В этом буквальном и метафорическом шуме рассказанная история пересказывается еще раз в регистре слухов и сплетен: «Говорили о нем, например, что деньги, употребленные им на издание, он получил от какого-то золотопромышленника или откупщика в виде вознаграждения за то, что женился на старой его любовнице, и что будто за него работали другие, а он сам не только не писал, но не способен и написать ничего; наконец, что, прожив целый год в теснейшей связи с передовыми людьми нашего времени, он в корне души и в сущности убежденный был и есть человек отсталый...» [Там же. С. 311].

ности за каждую «выходку» газеты ложился на плечи ее «номинального издателя», игравшего страдательную роль «человека, который был бы угоден правительству и не мешался бы в дела редактора» [34]. В выборе такой роли мы видим своеобразную декларацию писателя о выходе за пределы существующих партий. Как и романский Бубнов, он полностью доверяет издательское дело Розанову, Святухину и Иверскому, также при первой возможности уступает свое издание другу-разночинцу Жуковскому. Роль, занятая им в газете «Народная летопись» (вскоре закрытой), давала возможность не только встать на место своего персонажа (не-героя), но попробовать себя в совершенно ином качестве – в роли издателя передовой левой газеты, к тому же ведущего полемику со своими «патронами» – Краевским, Катковым, Достоевскими [35].

По-видимому, интуитивное понимание основных законов журнального рынка и «внепартийность», т.е. не включенность в литературные группы и кружки, давали почву для такого рода обобщений и прогнозов. Речь, таким образом, идет не сколько о предвосхищении, сколько о логике памфлета: затрагивая реальных людей и их реальную деятельность, памфлетный роман становится универсальной формой для разговора о современности 60-х гг. XIX в.

Таким образом, «Мудреное дело» является одним из самых рефлексивных и злободневных произведений Ахшарумова. После постромантических экспериментов в духе «Двойника» и «Игрока», которыми писатель начал свой путь, и совершенно далекого от российской действительности авантюрного романа в болгаринском духе «Чужое имя» «Мудреное дело» ознаменовало новый этап в эволюции творчества писателя, претендуя стать провокацией, направленной в сторону существующих журнальных фракций, и социальным проектом, осуществляющим преобразование действительности и «форматирование» нигилистического сюжета.

Тем не менее читательская жизнь романа (в сравнении с пародирующим Ахшарумова «Дневником провинциала в Петербурге» М.Е. Салтыкова-Щедрина) оказалась недолгой, и к началу XX в. «очерк из летописей русской словесности» мог привлечь внимание только историков литературы. Судя по всему, роман читался и обсуждался в кругу формалистов. Так, Б.М. Эйхенбаум, вспоминает о проводимых им параллелях:

Я думал о том, что повторяются в новом виде 60-е годы. Тенденциозная, «идеологическая» беллетристика, с одной стороны («пролетарская»), а с другой – Тынянов, как Толстой, Веня <Каверин. – А.К.> – вроде Ахшарумова – от авантюрного романа («Чужое имя») к памфлетному – «Мудреное дело» [36. С. 202].

В приведенном высказывании, носящем частный характер и не имеющем отношения к научным обобщениям, Ахшарумов-памфлетист, с одной стороны, оценивается как беллетрист, пишущий тенденциозные романы с другой – оказывается далек от «идеологической» или (в новую эпоху –

пролетарской) беллетристики. Напряженно рассуждающие о литературном быте формалисты, вполне вероятно, могли видеть характерную параллель, возникающую между «Мудреным делом» и «Скандалистом» В. Каверина или «Козлиной песней» К. Вагинова. Во всех случаях литература выходила за нормативные пределы и предполагала фамильярное заигрывание с вне-литературным материалом¹.

Резюмируя, отметим, что указанные параллели требуют дальнейших соотнесений и развернутых историко-литературных пояснений. Такая задача может быть решена только посредством подготовки комментированного издания романа, приобретающего на значительной дистанции новые социальные и рефлексивные смыслы.

Литература

1. *Ахшарумов Н.* Мудреное дело. СПб., 1864. 314 с.
2. *Орнатская Т.И.* Редакционный литературный кружок Ф.М. и М.М. Достоевских (1860–1865 гг.) // Достоевский: Материалы и исследования. Л., 1988. Т. 8. С. 247–262.
3. *Антонович М.А.* Летний литературный сезон // Современник. 1864. С. 1–33.
4. *Н.Б.* Библиография // Русское слово. 1864. Т. 6. С. 1–89.
5. *Нечаева В.С.* Журнал М.М. и Ф.М. Достоевских «Эпоха». 1864–1865. М., 1975. 302 с.
6. *Осват А.Л.* К изучению почвенничества (Достоевский и Ап. Григорьев) // Достоевский: Материалы и исследования. Л., 1978. Т. 3. С. 144–158.
7. *Гуральник У.А.* «Современник» в борьбе с журналами Достоевского (идейно-политическое содержание полемики) // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1950. Т. 9, вып. 4. С. 265–285.
8. *Chances E.* The Ideology of “Pochvennichestvo” in Dostoevsky's Journals *Vremja* and *Epokha*. Michigan, 1982. 242 p.
9. *Murav H.* Russia's Legal Fictions. University of Michigan Press, 1998. 280 p.
10. *Першкина А.Н.* Журнал братьев Достоевских «Время»: история, поэтика, проблемы атрибуции : дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. 315 с.
11. *Майорова О.Е.* Ахшарумов Николай Дмитриевич // Русские писатели. 1800–1917 : биографический словарь. М., 1989. С. 131–132.
12. *Володина Н.В.* Критерий пользы в оценке искусства русской литературной критикой 1860-х гг. // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2018. Т. 172, № 20 (1). С. 93–107.
13. *Ахшарумов Н.* Обломов. Роман И. Гончарова // Русский вестник. 1860. Т. 25. С. 601–651.
14. *Отрадин М.В.* Проза И.А. Гончарова в литературном контексте. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1994. 168 с.
15. *Ахшарумов Н.* О порабощении искусства // Отечественные записки. 1858. Т. 119. С. 287–325.
16. *Гриц Т., Тренин В., Никитин М.* Словесность и коммерция. М., 1929. 304 с.

---

¹ Об этом, в частности, писал В.Б. Шкловский в эссе «Натурщики протестуют»: «Сюжетное оформление перестало являться признаком авторства и свойством, таинственно превращающим нечто в искусство. Писатели, начавшие безматериально, люди типа Каверина и Вагинова, перешли к памфлетным мемуарным романам. Они делают ошибку, потому что нельзя пририсовывать птичьи ноги к лошади, – птичьи ноги можно пририсовывать только к дракону, потому что дракона не существует» [37. С. 120].

17. Ястребов А. Богатство и бедность: Поэзия и проза денег. М., 1999. 525 с.
18. Макеев М. Николай Некрасов: поэт и предприниматель (очерки о взаимодействии литературы и экономики). М., 2009. 235 с.
19. Рейтблат А.И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М. : Новое литературное обозрение, 2009. 448 с.
20. Дрыжакова Е.Н. Достоевский и нигилистический роман // Достоевский: Материалы и исследования. СПб. : Наука, 2005. Т. 17. С. 3–29.
21. Панаев И.И. Литературные воспоминания. М., 1988. 465 с.
22. Чуковский К.И. Люди и книги шестидесятых годов. Л. : Изд-во писателей, 1934. 312 с.
23. Евгеньев-Максимов В.Е. «Современник» в 40–50-е годы. Л., 1934. 454 с.
24. Макеев М. Николай Некрасов. М. : Молодая гвардия, 2017. 461 с.
25. Вдовин А. Добролюбов: Разночинец между духом и плотью. М. : Молодая гвардия, 2017. 297 с.
26. Паперно И. Семиотика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма. М. : Новое литературное обозрение, 1996. 207 с.
27. Печерская Т.И. Разночинский дискурс русской литературы XIX века. Новосибирск : Изд-во Новосиб. гос. пед. ун-та, 2018. 202 с.
28. Bourdieu P. Rules of Art: Genesis and Structure of the Literary Field, Stanford University Press, 1996. 408 p.
29. Helms W. Symbolic Capital and The Performativity Of Authorship: The Construction And Commodification Of The Nineteenth-Century Authorial Celebrity : doctoral dissertation. The University of Nebraska-Lincoln, 2013. 215 p.
30. Егоров Б.Ф. Роман 1860-х – начала 1870-х годов о «новых людях». Тарту : Тарт. гос. ун-т, 1963. 664 с.
31. Старыгина Н.Н. Русский роман в ситуации философско-религиозной полемики 1860–1870-х годов. М. : Языки славянской культуры, 2003. 352 с.
32. Брумфилд У. Социальный проект в русской литературе XIX века. М. : Три квадрата, 2009. 272 с.
33. Корчинский А.В. Новостной роман: эскалация и преодоление опасностей // Новый филологический вестник. 2017. № 3. С. 81–89.
34. Жуковская Е. Из записок шестидесятницы // Звенья. М. ; Л., 1932. С. 345–373.
35. Козлов А.Е. Н.Д. Ахшарумов в роли редактора газеты «Народная летопись»: к вопросу о символическом капитале имени // Вестник Новосиб. гос. ун-та. 2019. № 6. С. 39–48.
36. Эйхенбаум Б.М. Мой современник: Маршрут в бессмертие. М., 2001. 384 с.
37. Шкловский В. О теории прозы. М., 1983. 382 с.
38. Никитенко А.В. Дневник : в 3 т. М. : ГИХЛ, 1955. Т. 2. 651 с.

Источники

39. Письмо Н.Д. Ахшарумова к М.М. Достоевскому // НИОР РГБ. Ф. 93 (Достоевские). Карт. II. Ед. хр. 6.
40. Письмо Н.Д. Ахшарумова к Ф.М. Достоевскому // НИОР РГБ. Ф. 93 (Достоевские). Карт. II. Ед. хр. 1.60.
41. Записная книжка Ф.М. Достоевского // НИОР РГБ. Ф. 93 (Достоевские). Карт. № 3. Ед. хр. 21.

Приложение

I¹

Милостивый государь Михаил Михайлович,

Отъезжая из Петербурга до половины августа месяца², я передал на это время авторские права на мой роман «Мудреное дело» родственнице моей Катерине Соломоновне Старынкевич³, а потому покорнейше Вас прошу вверить ей авторский просмотр цензурированной корректуры и вообще считать ее моим неограниченным представителем и поверенным в этом деле во всех отношениях.

С искренним уважением имею честь быть преданным Вам
Николай Ахшарумов

30-го мая 1863⁴
Санкт-Петербург

¹ Воспроизводится по: [39].

² Н.Д. Ахшарумов проводил летние месяцы на даче-усадьбе своего близкого родственника и *intimate friend* Дмитрия Александровича Ровинского (1824–1895) – юриста, правоведа и общественного деятеля, одного из инициаторов судебной реформы 1860-х гг.

³ Старынкевич (в замужестве – Блюменфельд) Екатерина Соломоновна (1836 – 1914) – дочь сенатора Соломона Александровича Старынкевича. Выступала в печати под псевдонимом Е. Сальянова. О роли Старынкевич в общественной жизни и ее позиции оставил записи А.В. Никитенко (1861): «Вечером, между прочим, приезжали девицы Старынкевич. Их три. Они милovidные и очень хорошо образованные; рассуждают о предметах серьезных, много читают на пяти языках, но вовсе не педантки. Мои дочери с ними очень сошлись» [38. С. 185]. Другая запись имеет непосредственное отношение к общественным идеям, нашедшим отражение в романе (1864): «Лавров учит философии женщин, которые где-то собираются, чтобы слушать его лекции. Сегодня с его лекции к нам заехала милая, умная и молодая девушка К.С. Старынкевич. Она сама посмеивается над философией Лаврова. Я хотел узнать от нее содержание его лекции, но было уже поздно, и она спешила домой. Впрочем, вот одна из его фраз: «Человека составляют чувственные впечатления и образуемые из них механически понятия; что касается ума, то это есть только географическое наименование». Восхитительно! Вот какой великий философ Петр Лаврыч! Милые женщины! Он вам докажет, что вы мыслите известными частями вашего прелестного тельца, а голова вам дана единственно для украшения.

Вот эти растленные умы! Прежде чем они научились мыслить самостоятельно, они делаются апостолами материализма, который составляет грустное, но не единственное приобретение науки там, где она живет продолжительной и богатой жизнью» [Там же. С. 419–420].

⁴ Год поставлен рукой А.Г. Достоевской. В.С. Нецаева датирует письмо 1864 г.

II¹

Милостивый государь Федор Михайлович,

Вот уже две недели как я хвораю и более недели как слег в постель, что лишает меня возможности лично Вас навестить; а потому, будьте так добры, выдайте подателю этого письма, брату моему Семену Дмитриевичу Ахшарумову² 25 экземпляров отдельного издания «Мудреного Дела»³ и деньги за 3-ю часть⁴.

С искренним уважением остаюсь
Ваш покорнейший
Николай Ахшарумов

Вторник 13-го октября 1864.

Reflection and Narration in Nikolay Akhsharumov's *A Tricky Business* as a Chronicle of the Russian Literature of the 19th Century

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 65. 222–242. DOI: 10.17223/19986645/65/14

Alexey E. Kozlov, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: alexey-kozlov@rambler.ru

Keywords: Russian literature, mass literature, fiction, *Vremya*, *Epokha*, *Sovremennik*, secondary and alternative, narrative, pamphlet novel, Nikolay Akhsharumov.

The study is part of Project MK-841.2020.6 (grant of the president of the Russian Federation to support young scientists): “Iskra” (1859–1873) as Encyclopedia of Russian Life: Publishing Practices, Plot Mechanisms, Genre Modifications.

The article is devoted to interpretation of the pamphlet novel *Mudrynoe delo* [A Tricky Business] (1864) by the critic and writer Nikolay Akhsharumov. The novel's subtitle “Essays from the Chronicles of Russian Literature” indicates that the plot should be read as a true story: most heroes were meant to have prototypes, and collisions uniting the staff of the described publishing house could be projected onto actual events and incidents. Parallels between the fictional storylines and actual incidents in the history of Russian journalism and public life are analyzed. In the first part of the article, features of the narration and the prototype are investigated. The story in the novel is based on the protagonist's diary and the au-

¹ Воспроизводится по: [40].

² Ахшарумов, Семен Дмитриевич (1829–(1893?)) – выпускник историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета, чиновник при Публичной библиотеке (вышел в отставку в 1856 г. в чине титулярного советника). В конце жизни работал над исследованием «История Бастилии» (1890–1892).

³ «Мудреное дело» было отпечатано отдельным изданием в типографии Н. Тиблена и компании (1864).

⁴ По приходно-расходному журналу по изданию «Времени» и «Эпохи» следует, что за первую часть (1,5 а.л.) Ахшарумов получил 275 рублей, за вторую (2,2 а.л.) – 461 р., за третью (3,1 а.л.) – 562 р. Учитывая, что первая часть составила 1,5 а.л., вторая – 2,2 а.л., а третья – 3 а.л., средняя стоимость одного авторского листа не превышает 180 рублей. В получении денег за третью часть расписался Семен Дмитриевич Ахшарумов [41].

thor's commentary. The writer chose rather traditional schemes of an adventure novel and a career novel. A Russian Lucien Chardon de Rubempré, Vasily Grigoryevich Bubnov, a young man from the province, plays the classic role of a simpleton, a *retarded* one in the opinion his Petersburg circle. The main topic of most conversations is the "symbolic" and "real" capital gained or wasted by Russian journalists. Akhsharumov's novel is literally populated by "doubles" of famous Russian critics and writers. Real names and titles enter into a certain competition with fictitious ones. In particular, it is assumed that the "non-partisan" writer (equally distant from the Slavophiles and the Nihilists) combined the events and incidents from the life of the two editions—*Sovremennik* [The Contemporary] and *Vremya* [Time]—in his text, using the resource of rumors and oral histories (A.V. Nikitenko and Yu.G. Zhukovsky). In the second part of the article, the novel's plot logic is considered in the context of the general polemic with the novel *What Is to Be Done?* by N. Chernyshevsky. Akhsharumov does not accept the "new man" and the *ménage à trois* a la Chernyshevsky and disputes this phenomenon in social life. His novel embodies another version of social design related to the representation of the conservative institution of family and marriage. According to V.S. Nechaeva, Akhsharumov builds his melodramatic plot on a real case related to the difficult fate of the nihilist Alexandra Markelova. However, in both cases, the happy-end logic is valid: journalism remains in the hands of an advanced person, and the heroine enters into a legal marriage with Bubnov. In conclusion, the specificity of the narrative organization of the novel is described in the aspect of the author's reflection. The annex contains Akhsharumov's letters to the Dostoevsky brothers. Results and observations which are presented in the article could be used in teaching the history of the Russian literature of the 19th century.

References

1. Akhsharumov, N. (1864) *Mudrenoe delo* [A Tricky Business]. Saint Petersburg: Tip. N. Tiblena i K°.
2. Ornatskaya, T.I. (1988) Redaktsionnyy literaturnyy kruzhok F.M. i M.M. Dostoevskikh (1860–1865 gg.) [Editorial literary circle of F.M. and M.M. Dostoevsky (1860–1865)]. In: Fridlender, G.M. (ed.) *Dostoevskiy: Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky: Materials and Studies]. Vol. 8. Leningrad: Nauka. pp. 247–262.
3. Antonovich, M.A. (1864) Letniy literaturnyy sezon [Summer literary season]. *Sovremennik*. pp. 1–33.
4. N.B. (1864) Bibliografiya [Bibliography]. *Russkoe slovo*. 6. pp. 1–89.
5. Nechaeva, V.S. (1975) *Zhurnal M.M. i F.M. Dostoevskikh "Epokha". 1864–1865* [M.M. and F.M. Dostoevsky's journal Epokha. 1864–1865]. Moscow: Nauka.
6. Ospovat, A.L. (1978) K izucheniyu pochvennichestva (Dostoevskiy i Ap. Grigor'ev) [On the study of soil cultivation (Dostoevsky and Ap. Grigoryev)]. In: Fridlender, G.M. (ed.) *Dostoevskiy: Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky: Materials and Studies]. Vol. 3. Leningrad: Nauka. pp. 144–158.
7. Gural'nik, U.A. (1950) "Sovremennik" v bor'be s zhurnalami Dostoevskogo (ideynopoliticheskoe sodержanie polemiki) ["Sovremennik" in the fight against Dostoevsky's journals (ideological and political content of the controversy)]. *Izvestiya AN SSSR. Otdelenie literaturny i yazyka*. IX (4). pp. 265–285.
8. Chances, E. (1982) *The Ideology of "Pochvennichestvo" in Dostoevsky's Journals Vremya and Epokha*. Ann Arbor, Michigan: [s.n.].
9. Murav, H. (1998) *Russia's Legal Fictions*. University of Michigan Press.
10. Pershkina, A.N. (2013) *Zhurnal brat'ev Dostoevskikh "Vremya": istoriya, poetika, problemy atributsii* [The brothers Dostoevsky Journal "Vremya": History, poetics, attribution problems]. Philology Cand. Diss. Moscow.
11. Mayorova, O.E. (1989) Akhsharumov Nikolay Dmitrievich [Nikolay Dmitrievich Akhsharumov]. In: Nikolaev, P.A. (ed.) *Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskiy slovar'*

[Russian writers. 1800–1917: A Biographical Dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. pp. 131–132.

12. Volodina, N.V. (2018) The Criterion of Usefulness in the Evaluation of Art in the Russian Literary Criticism of the 1860s. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki – Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts*. 172:20 (1). pp. 93–107. (In Russian).

13. Akhsharumov, N. (1860) Oblomov. Roman I. Goncharova [Oblomov. A Novel by I. Goncharov]. *Russkiy vestnik*. 25. pp. 601–651.

14. Otradin, M.V. (1994) *Proza I.A. Goncharova v literaturnom kontekste* [I.A. Goncharov's Prose in the literary context]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University.

15. Akhsharumov, N. (1858) O poraboshchenii iskusstva [On the enslavement of art]. *Otechestvennye zapiski*. CXIX. pp. 287–325.

16. Grits, T., Trenin, V. & Nikitin, M. (1929) *Slovesnost' i kommertsiya* [Literature and commerce]. Moscow: Federatsiya.

17. Yastrebov, A. (1999) *Bogatstvo i bednost'. Poeziya i proza deneg* [Wealth and poverty. Poetry and prose of money]. Moscow: Agraf.

18. Makeev, M. (2009) *Nikolay Nekrasov: poet i predprinimatel' (ocherki o vzaimodeystvii literatury i ekonomiki)* [Nikolai Nekrasov: A poet and entrepreneur (essays on the interaction of literature and economics)]. Moscow: Maks Press.

19. Reytblat, A.I. (2009) *Ot Bova to Balmontu i drugie raboty po istoricheskoy sotsiologii russkoy literatury* [From Bova to Balmont and other works on the historical sociology of Russian literature]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

20. Dryzhakova, E.N. (2005) Dostoevskiy i nigilisticheskiy roman [Dostoevsky and the nihilistic novel]. In: Fridlender, G.M. (ed.) *Dostoevskiy: Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky: Materials and Studies]. Vol. 17. Saint Petersburg: Nauka. pp. 3–29.

21. Panaev, I.I. (1988) *Literaturnye vospominaniya* [Literary memories]. Moscow: Pravda.

22. Chukovskiy, K.I. (1934) *Lyudi i knigi shestidesyatykh godov* [People and books of the sixties]. Leningrad: Izd-vo pisateley.

23. Evgen'ev-Maksimov, V.E. (1934) “Sovremennik” v 40–50-e gody [“Sovremennik” in the forties and fifties]. Leningrad: Izd-vo pisateley v Leningrade.

24. Makeev, M. (2017) *Nikolay Nekrasov*. Moscow: Molodaya gvardiya. (In Russian).

25. Vdovin, A. (2017) *Dobrolyubov. Raznochinets mezhdum dukhom i plot'yu* [Dobrolyubov. A raznochinets between spirit and flesh]. Moscow: Molodaya gvardiya.

26. Paperno, I. (1996) *Semiotika povedeniya: Nikolay Chernyshevskiy – chelovek epokhi realizma* [Semiotics of behavior: Nikolai Chernyshevsky, a man of the era of realism]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

27. Pecherskaya, T.I. (2018) *Raznochinetskiy diskurs russkoy literatury XIX veka* [The Raznochinets discourse of the Russian Literature of the 19th Century]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University.

28. Bourdieu, P. (1996) *Rules of Art: Genesis and Structure of the Literary Field*. Stanford University Press.

29. Helms, W. (2013) *Symbolic Capital and the Performativity of Authorship: The Construction and Commodification of the Nineteenth-Century Authorial Celebrity*: doctoral dissertation. The University of Nebraska-Lincoln.

30. Egorov, B.F. (1963) Roman 1860-kh – nachala 1870-kh godov o “novykh lyudyakh” [A novel of the 1860s – early 1870s about “new people”]. Tartu: Tartu State University.

31. Starygina, N.N. (2003) *Russkiy roman v situatsii filosofsko-religioznoy polemiki 1860–1870-kh godov* [Russian novel in a situation of philosophical and religious controversy of the 1860s–1870s]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

32. Broomfield, W. (2009) *Sotsial'nyy proekt v russkoy literatury XIX veka* [Social project in the Russian literature of the 19th century]. Translated from English. Moscow: Tri kvadrata.

33. Korchinskiy, A.V. (2017) “News” Novel of the 1860s: Escalation and Overcoming of Dangers. *Novyy filologicheskiy vestnik – New Philological Bulletin*. 3. pp. 81–89. (In Russian).
34. Zhukovskaya, E. (1932) Iz zapisok shestidesyatnitsy [From the notes of a woman of the sixties]. In: Bonch-Bruevich, V., Kameneva, L. & Lunacharskiy, A. (eds) *Zven'ya* [Links]. Vol. 1. Moscow; Leningrad: GIKhL. pp. 345–373.
35. Kozlov, A.E. (2019) N. D. Akhsharumov as So-Called Editor of “National Chronicle”: To Symbolic Capital of the Mass-Fiction Writer Name. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya – Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology*. 6. pp. 39–48. (In Russian). DOI: 10.25205/1818-7919-2019-18-6-39-48
36. Eykhenbaum, B.M. (2001) *Moy vremennik. Marshrut v bessmertie* [My chronicle. The route to immortality]. Moscow: Agraf.
37. Shklovskiy, V. (1983) *O teorii prozy* [On the theory of prose]. Moscow: Sovetskiy pisatel'.
38. Nikitenko, A.V. (1955) *Dnevnik: v 3 t.* [Diary: In 3 volumes]. Vol. 2. Moscow: GIKhL.

Sources

39. Russian State Library, Manuscript Department. Fund 93 (The Dostoevsky). Card File II. Unit 6. *Pis'mo N.D. Akhsharumova k M.M. Dostoevskomu* [Letter from N.D. Akhsharumov to M.M. Dostoevsky].
40. Russian State Library, Manuscript Department. Fund 93 (The Dostoevsky). Card File II. Unit 1.60. *Pis'mo N.D. Akhsharumova k F.M. Dostoevskomu* [Letter from N.D. Akhsharumov to F.M. Dostoevsky].
41. Russian State Library, Manuscript Department. Fund 93 (The Dostoevsky). Card File 3. Unit 21. *Zapisnaya knizhka F.M. Dostoevskogo* [F.M. Dostoevsky's Notebook].